

Фото Каси Сыромолот

Виктор Мартинович

писатель, доцент Департамента гуманитарных наук и искусств ЕГУ. Родился в Ошмянах, закончил БГУ, защитил в Академии искусств Вильнюса PhD по витебскому авангарду и отношениям групп Малевича и Шагала. Автор монографии «Родина. Марк Шагал в Витебске». Сфера научных интересов – история искусства и архитектуры, интерпретация наследия, герменевтика и философия искусства.

Афины без Афин Маршрут присвоения античности

Виктор Мартинович

Athens without Athens The Route of Antiquity Appropriation

By providing facilitated access to heritage sites, with all guidebooks, the tourist industry takes something important away from our monuments. This “something” is so subtle that the very fact of taking away escapes from the traveler’s consciousness. This text by EHU Associate Professor Viktor Martsinovich, written in the mode of a travel diary, describes a study tour to Greece of EHU students and professors in May 2022 – a trip in which we set out to find our own Greece and to communicate with its ruins. Our conclusions about building relationships with ancient monuments may be useful for both future travelers and for thinking about strategies for dealing with any ruins.

В эссе ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА В ЭПОХУ ЕГО ТЕХНИЧЕСКОЙ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ Вальтер Беньямин задался вопросом о том, что именно уходит из картины или скульптуры в тот момент, когда с нее делается самая совершенная, самая технически доскональная копия. Он описывает это понятие *ауры*: именно аура присутствует у оригинала и отсутствует у всех копий. Несмотря на то, что нигде в работах Беньямина не встречается научно бесспорного, точного и логически стройного определения ауры, вчитываясь в то, как Беньямин ее описывает, можно получить впечатление о том, что составляет зерно аутентичности у произведения не скопированного, но – сотворенного: «Эту ауру можно определить как уникальное ощущение дали, как бы близок при этом ни был предмет. Скользить взглядом во время летнего послеполуденного отдыха по линии горной гряды на горизонте или ветви, под сенью которой проходит отдых, это значит вдыхать ауру этих гор, этой ветви» [1, 6].

В мае 2018 года автор этих строк, заплатив полагающуюся сумму в 20 евро, получил возможность изучить афинский Акрополь. Парфенон, Пропилеи и Храм Ники Аптерос выглядели совершенно как на картинках в учебниках. Тысячи людей вокруг самозабвенно фотографировали на телефоны кариатиды Эрехтейона, отчего ощущение производимого прямо при тебе копирования и воспроизводства того, что обещало быть единственным и неповторимым, становилось буквально осязаемым. Памятники Акрополя производили впечатление собственных копий – и дело, очевидно, было не только в многочисленных барьерах, не позволяющих подойти, прикоснуться, проникнуть внутрь наиболее ценных из них. Проблема была как раз в тех тысячах глаз, которые лицезрели это вместе с тобой.

Совершенно по закону, описанному Бенямином, Эрехтейон, умноженный на тысячу, утрачивал собственную ауру и превращался в копию. Так, любой объект наследия, в котором одновременно присутствует тысяча человек, разделяется на тысячу, делается не присваиваемым и не переживаемым.

Оговорюсь: этот эффект становится наиболее выпуклым именно при посещении мегалитических построек и раннеантичных городов – всего, что сложено из больших ку-

сков плохо обработанного камня и не несет в себе следов краски или тонкой обработки. Допускаю, что при посещении музея Уффици во Флоренции есть шанс, замерев перед Весной Боттичелли на несколько минут (дольше не позволит подпирающая сзади толпа), испытать что-то личное от невидимых на репродукциях флористических деталей платья Симонетты Веспуччи. Но в случае, когда единственное, что ожидает тебя за уплаченные 10 евро, это шершавые коринфские колонны Храма Зевса Олимпийского в Афинах, близко к которым тебе не дадут подойти, так как ты тут отнюдь не единственный желающий выстроить личные отношения со старинной, так вот, в таких случаях, право, нужно искать иные методы вхождения в эпоху.

Вильнюс – Нафплион – Эпидавр – Микены

Получив задачу разработать маршрут для семидневной учебной поездки по Греции, я вспомнил свой опыт пребывания на Акрополе и решил, что нужно постараться держаться как можно дальше от Афин по крайней мере в первые дни. Даже несмотря на то, что поездка была посвящена именно Афинам как месту проведения Антестерий и Великих Дионисий,

Театр в Эпидавре на 14 000 посадочных мест. В центре расположенной внизу сцены – каменный круг величиной с ладонь. Шепот того, кто становится в круг, слышен на последних рядах. Фото автора

а стало быць, рожденью театра как такового [3, 4]. Паскольку мы сразу договорились, что будем передвигаться на арендованных машинах, первые две ночевки решено было сделать в месте, называемом Нафплион.

На карте дорога до него выглядела менее стрессоёмкой, чем обернулась на практике. Нафплион – город, существовавший еще в Микенский период, – приобрел свои нынешние черты благодаря приходу венецианцев в XIV веке. Именно от венецианцев осталась география улочек старого центра, две крепости и милая привычка покрывать розовым мрамором тротуары променада у моря. По всей видимости, от венецианцев же осталась и привычка не пользоваться светофорами: это достижение цивилизации мы встретили за всю поездку по Греции всего два раза. Нафплион выделялся идеальной остановкой после авиаперелета и автомобильного путешествия с пересечением Коринфского канала. Впрочем, главным в Нафплионе были не курортная атмосфера, не дающая прекрасные виды на старый центр и окрестное море гора и даже не тайный галечный пляж, спрятавшийся сразу за лестницей, ведущей к крепости Паламиди. Нафплион был выбран как нетуристическая ночевка, ближайшая к городу под названием Эпидавр. Городу, принесшему в заглавие нашей учебной поездки термин *κάθαρσις*.

Являясь местом жительства (не местом поклонения, но именно местом жительства – обстоятельство принципиальное для мироощущения древних греков, которые обитали в мире, населенном наядами, героями и богами) бога медицины Асклепия, к IV веку до н. э. Эпидавр превратился в общеэллиническую здравницу. Болящие стекались к месту прописки Асклепия в огромных количествах. Несмотря на то, что сейчас квартал странноприимных домов и общежитий представляет собой поросший по периметру соснами прямоугольник руин, по которым совершенно невозможно определить высотность постро-

ек, представление о вместимости этой здравницы можно получить, исходя из количества посадочных мест в местном театре: 14 000. Таким образом, одновременно лечиться здесь могло от 14 000 человек.

Стараясь избежать соседства с организованными туристическими группами и зная, что автобусы обычно приезжают в музей к 10 утра и уезжают после полудня, мы прибыли в Эпидавр около 15:00. Моросил дождь. На турникетах у проходной не было привычной очереди. Хотя казалось, что нашей группе даровано счастье прикоснуться к собственному Эпидавру, увидеть лишь своими глазами и придумать его на свой лад (действительно, в местах интереса мы встретили в лучшем случае несколько десятков путешественников), все же присвоить это место нашей группе не удалось.

Несмотря на то, что путеводители и Википедия предлагают считать самым важным после театра местом Эпидавра храм бога медицины Асклепион, мы уделили ему крайне мало внимания. Действительно, неплохо сохранившаяся постройка с двумя дорическими колоннами, антаблементом и фрагментом портика дает представление о том, как выглядело место культа Асклепия в месте его проживания. Вместе с тем, людям, интересующимся катарсисом (а именно он был одной из сквозных тем нашей поездки) следует миновать Асклепион и пройти за него, к фундаменту круглой постройки, именуемой *толосом*¹.

Расположенная у толоса информационная табличка честно признается в том, что никто достоверно не знает точное назначение этой структуры. Она не могла быть местом почитания бога, так как место почитания бога находится в двухстах метрах западней. Табличка делает мягкое допущение, что в Эпидавре толос служил местом инициации жрецов Асклепиона. Между тем, даже для Павсания, посетившего Эпидавр во II веке н. э. назначение толоса остается неочевидным. Вот как он описывает постройку: «Вблизи сооружено

¹ Варианты в русском языке, возникшие из-за разночтений в произношении ударного омикрона и теты в оригинальном *θόλος*: толос и фолос.

круглое здание из белого мрамора, называемое толос (купольное круглое здание), заслуживающее осмотра. В нем находится картина Павсия; он нарисовал Эрота, бросившего лук и стрелы; вместо них он несет в руках лиру. Нарисована здесь и богиня опьянения Мете, пьющая из чаши, сделанной из стекла, – это тоже работа Павсия» [2, 164]. Обращает внимание то, как Павсаний, стремящийся везде в своих работах показывать здания, предметы и обычаи в их функциональном смысле, здесь ограничивается описанием формы («круглое здание») и материала стен («из белого мрамора»), но не назначения толоса. Впрочем, чем бы ни был толос в IV веке до н. э. на момент расцвета театра в Эпидавре, нам достоверно известно его терапевтическое назначение. Найденный в фундаменте лабиринт, состоящий из двух снабженных отверстиями круглых стен, это назначение подтверждает.

Любой, прибывший лечиться в Эпидавр в IV веке до н. э., должен был получить факел и спуститься в подвал толоса, где находился лабиринт, заполненный змеями. Павсаний сообщает о том, что «священными змеями Асклепия» считались «все змеи и особенно одна их порода с более желтоватой кожей» [2, 164]. Неизвестно, были ли змеи, которыми пугали болящих, ядовитыми. Если так – то какое количество болящих получало во время этой терапии смертельные укусы и лишалось необходимости дальнейших унижений перед Асклепием? Уже упомянутая табличка разъясняла, что погруженный во тьму и не имевший окон лабиринт в подвале толоса был микромоделью Аида: тяжелобольным предлагалось смириться с мыслью о смерти, «спуститься в царство мертвых» с тем, чтобы все последующие стадии лечения принимались более благосклонно, как чудо, почти совершенное Орфеем с Эвридикой.

Именно здесь, недалеко от спуска в толос, произошла интересная дискуссия со студентами театральной программы ЕГУ. Они хоте-

ли узнать, каким образом страх, испуг, ощущение ужаса могли помочь вызвать катарсис, ведь катарсис – это не сама по себе сильная эмоция от переживания искусства, но такое переживание, которое влечет за собой очищение.

Автором этого текста было допущено, что «стадия толоса» не вызывала катарсис, но подготавливала к дальнейшему лечению, а именно к визиту в театр. Страх, тьма и встреча со змеями/Аидом должны были привести к эмоциональной встряске, отказу от привычного житейского опыта с предзаготовленными схемами реагирования на что бы то ни было. Местом возникновения катарсиса был не бассейн, не серпентарий, но сцена, где люди играли мистерию, показывавшую подвиги и страдания других людей. Таким образом, Дионис становился главным помощником Асклепия. Об этом катарсическом аспекте Диониса пишет, например, оксфордский исследователь античных религиозных культов Роберт Паркер: «Когда Плутарх хотел убедить свою жену, что жизнь не заканчивается с физической смертью, он напоминал ей о [...] мистериях Диониса. Точное доказательство того, что эсхатологические надежды могли иметь отношение к культу Диониса уже в классический период было получено в 1974 году с публикацией датированного V веком до н. э. Золотого Листа, который сообщает, что дорога к счастью после смерти – та, что проторена посвященными и вакханками. Дионис, таким образом, требует отношения к себе как к богу, который зачастую сопровождался эпитетом Очищающий» [4, 286].

На сцене театра Асклепия в Эпидавре есть выложенный камнями круг диаметром с человеческую ладонь. При приближении к этому кругу шепот актера приобретает такую акустическую мощь, что становится явно различим на последних рядах огромной чаши, вмещающей в себя 14 000 мест². Команда ЕГУ провела здесь несколько часов, декламируя

² Для сравнения: в Венской опере – 1709 кресел, и, несмотря на закрытость помещения, на верхних ярусах лож бенуара пение едва различимо.

Шекспира и Гомера, и впечатление того, что Эпидавр удалось пережить и присвоить, было очень близко.

Все рухнуло в момент, когда двое студентов театральной программы решили провести здесь тренинг Тадаси Судзуки: включив музыку на телефоне, они начали двигаться синхронно. Казалось бы, театр – самое подходящее место для театральной разминки; казалось бы, ни студенты, ни их музыка никому не мешали, так как помимо нас посетителей тут не осталось. Однако тотчас же из будки смотрителя к студентам устремились сразу два одетых в униформу человека. Один свистел в свисток (!), другой кричал: «Not allowed!».

Студенты были так ошарашены, что приняли фразу «Not allowed!» за «Not loud!» и стали оправдываться, что музыка у них звучит отнюдь не «loud». Но смотрители были уже на сцене и строго объяснили, что танцевать тут нельзя, петь нельзя, можно только говорить и декламировать. Античный театр, превращенный в музей театра, не мыслил себя как место, в котором можно заниматься театром – музыка, пение, даже ритмичные шаги синхронно действовавших актеров каким-то образом оскорбляли дух туристической индустрии, захвативший наиболее популярные локации на Пелопоннесе.

Храм Аполлона
в Дельфах,
увиденный из театра,
расположенного
несколькими ярусами
выше.
Фото автора

На следующий день очень похожее чувство возникло в Микенах, куда мы заехали на пути к горе Парнас. Поскольку дорога предстояла дальняя, мы не могли позволить себе дожидаться рассасывания туристических групп в послеобеденное время. Утром же Микены ассоциировались вовсе не с Агамемноном и Атреем, но с очередью в Макдональдс. И даже Львиные ворота не смогли заставить остановиться и что-то почувствовать – лопочущая на всех языках мира толпа под палящим солнцем не оставляла ни единого шанса на выстраивание личных отношений с этой живописной и некогда плотно застроенной горой. Надо будет как-нибудь приехать сюда с палаткой и переночевать на соседнем холме... Вполне себе план на следующий визит!

Перахора – Арахова – Корикия – Дельфы

Эта поездка – первая в Грецию – была экспериментом как по маршруту, так и по формату. Многие вещи приходилось додумывать и изобретать на ходу. Так, например, было решено в дальнейшем, делая call на очередной учебный тур в Грецию, выбирать тему, посвященную конкретному мифу или богу. И, если когда-либо мы решим вернуться в Грецию

под знаменем богини Геры, мы совершенно точно отправимся в ее храм не в Аргосе (где будет и турникет, и смотрители, и свистки), а в Перахоре.

К северу от Лутраки находится вдающийся в Коринфский залив мыс Иреон, по которому ведет односторонняя дорога. В 7,7 километрах от ближайшего населенного пункта стоит скала с маяком, подходы к которому сейчас совершенно разрушены. Если спуститься вниз, обнаружишь узкую кайму пляжа, лагуну с песчаным дном, причем ее манящие воды усеяны морскими ежами. И прямо тут, на берегу, стоит заброшенный храм Геры – Герейон в Перахоре.

В 100 метрах над ним – пещера, «приглашающая» в ней заночевать. Мы попали сюда совершенно случайно, сделав большой крюк по горам, привлеченные уединенностью мыса на Google Mars. На обратном пути был момент, когда ведущая машина, продвигаясь к сколько-нибудь проходимой трассе, не смогла справиться с дорогой – настолько крутым был подъем. Пришлось сначала двигаться задним ходом над пропастью в 600 метров, а потом выворачивать на 180 градусов и искать объезд через перевал. Водители были недовольны. Но, пожалуй, Перахора и этот заброшенный храм Геры, найденные совершенно случайно, стоили и Нафплиона, и Микен. Они подарили нам несколько ярко пережитых моментов индивидуального общения с античностью.

Дальше была Арахова – расположенное на высоте 980 метров (после заката все полезли за зимними куртками) село, выбранное нами в качестве отправной точки для вылазок к Корикийской пещере и Дельфам. С ноября по март это горнолыжный курорт с переоцененным жильем и переполненными ресторанами, с апреля же по октябрь – обычная горная деревня с минимумом приезжих. Идеальный вариант для путешествующих с минимальным бюджетом. Преподавателям посчастливилось найти здесь закусную, в которой

принципиально не выдавали меню: вместо этого к столику подходил похожий на Диогена хозяин, садился рядом и в процессе беседы на отвлеченные темы (нас интересовала этимология понятий *κάθαρσις* и *φάρμακός*) решал, чем он будет угощать гостей. По итогам философского разговора нам достались печеные баклажаны и салат. Надо сказать, что и счет в итоге был очень гуманным.

Корикийская пещера – место жительства муз Клеодоры, Мелены и Корикии – основная причина славы Парнаса как вместилища муз. В античные времена тут совершались мистерии, посвященные Пану и Дионису. Идти к ней решили пешком. Мы запаслись питьевой водой, один из преподавателей взял «ритуальный» батон, и шествие началось.

Дистанция, выглядевшая поначалу безобидной – 12 км в одну сторону –, после долгого пологого восхождения начала тревожить ту часть группы, которая считала себя наименее подготовленной. Преподавателей же беспокоило то обстоятельство, что никто из них в этой пещере прежде не был, а в последнее десятилетие многие пещеры (например, на Крите) без всякого предупреждения заваривались металлическими прутьями, что исключало возможность в них войти. Дорога была живописной: слева расстилось ущелье, поросшее оливковыми деревьями, впереди угадывалась высокая горная гряда, перед ней, тонущее в мареве расстояния, виднелось похожее на мираж море. Когда до пещеры оставалось 900 метров, мы уперлись в конический холм, у самой вершины которого виднелся зев. Думать о том, что это и есть нужная нам пещера не хотелось, так как проход к зеву был неочевиден. Тут и преломили ритуальный батон, придавший бодрости павшим духом. За этим последовал растянувшийся более чем на час штурм отвесного склона, поросшего терном и стелящимся кустарником, царапавшим кожу и цеплявшимся за одежду. Иногда крутизна подъема была такова, что шедший

снизу обнаруживал свою руку прямо у ноги идущего сверху. Часть студентов убежала вперед. Догоняя их, мы вслушивались в тишину сверху и холодели, допуская, что их молчание означает невозможность попасть в пещеру. Когда же мы все-таки закончили подъем (альтиметр показывал перепад от стартовой точки в 600 метров), оказалось, что дошедшие просто упали в траву.

Я воздержусь от описания Корикийской пещеры, так как есть вещи, которые невозможно освоить текстом, написанным в нейтральной манере. Скажу только, что это было абсолютное попадание в цель контакта с миром мифов и легенд, а также выстраивания личных отношений с античностью. Корикийская пещера была абсолютным апофеозом всей поездки; опытом, к повторению которого нам суждено стремиться, планируя следующие заезды в Грецию. Мы провели в этом месте несколько часов, и нам не мешали ни зрители, ни свистки, ни турникеты, ни другие люди. Осталось несколько видео, зафиксировавших то, как студенты программы театра наполняют своды эхом. Просматривая эти видео, вспоминаешь, что Эхо (Ἠχώ) в античности тоже было живым существом, нимфой-ореедой. Когда мы вышли из пещеры, то обнаружили едва ли не прямо у входа сто-

ящий микроавтобус с шестью собравшимися в пещеру туристами, а в 200 метрах левее от склона, по которому мы совершали восхождение, – раскатанную дорогу, пригодную для проезда автотранспорта. Несмотря на это, все сошлись на мысли, что в Корикийскую пещеру ходить нужно именно пешком, так как дорога и прилагаемые усилия составляют необходимую часть опыта.

На следующий день были Дельфы, и, к сожалению, это снова был возврат в мир турникетов, свистков и зрителей. Переживанию этого места как своего не помогла даже пешая прогулка от Араховы, осложненная тем, что самый короткий маршрут по оливковой низине был перекрыт двумя воротами с забором, обход которых представлялся отнюдь не очевидным. Мы пробежали музей Дельф точно так же, как накануне проследовали быстрым шагом через музей Микен: несмотря на то, что часть артефактов здесь была оригинальной, организация экспозиции почему-то не позволяла приблизиться к ним как к части личной истории античных героев и богов. Студенты, которым предстояло придумать и показать проекты, вдохновленные поездкой «в Афины», попросту не смогли найти здесь для себя ничего полезного.

Артемис – Вильнюс

Нежелание участвовать в тиражировании «массовых впечатлений» заставило нас воздержаться от того, чтобы провести последнюю ночь перед вылетом в Афинах: аргументируя эту идею группе, мы упомянули, что в топ-5 самых сильных впечатлений от этого города входит зрелище развода почетного караула. Но стоит ли нашего внимания город, который может предложить только это в числе своих лучших подарков? В итоге все высказались за то, чтобы попрощаться с Грецией в городе Артемис, расположенном на Эгейском море, рядом с Афинским аэропортом. Несколько студентов совершили самостоятельную однодневную вылазку в Афины и по возвращению показали перфоманс «Развод почетного караула на площади Синтагма», чтобы увидевшие его сразу же закрыли для себя вопрос, стоит ли ездить в Афины.

Выводы, которые можно сделать из этого первого соприкосновения с миром наследия Греции таковы:

1. Музеефикация памятников снижает возможность личного контакта случайных посетителей с ними; музеефикация по-гречески в принципе исключает допуск интересующихся в сколько-нибудь значимые части мест памяти и культа. Примером является Эрехтейон на Акрополе: попасть внутрь невозможно, можно лишь наблюдать снаружи, с расстояния 5-ти метров от входа; то же самое – с храмом Гефеста на Агоре: невозможно не только зайти внутрь, но даже заглянуть – это не предусмотрено стратегией музеефикации. В случае с храмом Зевса Олимпийского в Афинах или Аполлона в Дельфах ты можешь гулять в 3-х метрах от стен, дальше – заграждение, не позволяющее проникнуть в пространство руин.

2. Попытки установить личный контакт с музеями и археологическими заповедниками в Дельфах и Эпидавре приводили к предельно бюрократическим отпискам, сообщающим о порядке посещения музеев организованными группами студентов. По всей видимости, ввиду переизбытка интереса к своим памятникам, люди, администрирующие наследие в Афинах, Дельфах и Эпидавре обрели иммунитет ко всяким попыткам выстроить партнерские отношения с ними.
3. Две вышеизложенные причины приводят к мысли о том, что для оптимизации опыта дальнейших студенческих поездок в Грецию необходимо отыскать маршруты, исключающие посещение полноценно музеефицированных мест. Нас скорее заинтересуют заброшенные руины, второстепенные по значению в античном мире храмы (первостепенные для интереса живых исследователей, а не равнодушных ко всему настоящему туристов), пещеры, античные города вроде Тиринфа, до которых не добралось администрирование мест памяти...

Использованная литература

- [1] Беньямин, Вальтер. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 2003. 49 с.
- [2] Павсаний. Описание Эллады. М.: АСТ, 2002. 492 с.
- [3] Pickard, Arthur Wallace. The Theatre of Dionysus in Athens. Oxford: Clarendon Press, 1946. 288 pp.
- [4] Parker, Robert. Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxford University Press, 1996. 418 pp.